

Горизонт

1. АРИОЗО ИОЛАНТЫ

Это было в 1943 году. Шла Великая Отечественная война. Несмотря на тяжелое время и огромное военное напряжение, страна широко отмечала 50-летие со дня смерти Петра Ильича Чайковского. В город Клин, освобожденный от фашистских захватчиков, в Дом-музей П. И. Чайковского приехали в эти дни Антонина Васильевна Нежданова и Николай Семенович Голованов. С волнением ходили они по комнатам музея, с любовью рассматривали драгоценные реликвии, спасенные от нашествия варваров. Однажды, подойдя к роялю, Голованов взял аккорд, и Антонина Васильевна запела:

— Отчего это прежде не знала...

Она исполнила все ариозо Иоланты... Долго еще стояла она у рояля. Значительность этих минут подчеркивалась благоговейным молчанием слушателей. Нежданова в этот вечер простилась с Чайковским. Ее артистическая жизнь как бы окончилась в доме, где Чайковский завершил свою последнюю патетическую симфонию...

В. ВЛАСОВ. (Из воспоминаний).

2. У ТЕЛЕФОНА ВАН КЛИБЕРН

Заказываем Нью-Йорк.

— Соединяю. Говорите.

Рассказываю о предстоящих торжествах в Москве — 125-летию со дня рождения Чайковского. Ван Клиберн отвечает:

— Очень жалею, что не могу присутствовать на торжествах. У меня гастроли в Европе. Как всегда, буду играть Первый концерт. Я его играю с 12 лет.

В последний раз я не смог посетить город, который мне очень дорог. Там находится могила Чайковского, горсть земли с нее я увез к себе домой, в Америку, еще в 1958 году.

Г. БЕЛЯЕВА,
корр. «Огонька».

3. РОССИИ — ЕГО СЕРДЦЕ

...Подобно Пушкину, он всегда с нами, в полной мере к нему могут быть отнесены вечно слова поэта:

Слух обо мне пройдет по всей
Руси великой...

В полной мере. Потому что нет сегодня уголка в нашей стране, где бы не звучала его музыка, донесшая до нас с помощью черных нотных строчек живое волнение, грусть, радость, раздумья нашего великого соотечественника и, не боюсь сказать, современника.

А. СВЕШНИКОВ,
народный артист СССР.

4. ГОВОРИТ ЧАЙКОВСКИЙ

— Все вместе взятое: и труд, и вдохновение, может быть, и талант, и любовь, а главное рабский труд — дает то, что вы слышите на сцене. Каждая минута звучания того же Ленского, каждый такт его музыки — это тяжелые, бессонные ночи мой, моя кровь; за иное место в опере, которое для слушателя, возможно, останется незамеченным, я заплатил годом своей жизни. Боже мой, чего стоит мне одна Татьяна! А Мария... Мне казалось — пока я закончу ее, скорее я сам сойду с ума, чем бедная моя Мария... Как иногда бывает обидно, тяжело, когда слышишь в зрительном зале посторонний разговор, шепот, видишь равнодушных людей...

С. М. ФЕДОРОВ.
(Из воспоминаний).

